

УДК 343(091)

Т. Р. Сабитов

Институт Федеральной службы безопасности РФ
Красный пр., 84, Новосибирск, 630091, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsk.ru

ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

В данной статье рассматриваются принципы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) общественно опасных деяний. На взгляд автора, из общих уголовно-правовых принципов вытекают следующие принципы криминализации и пенализации: целесообразность уголовно-правового запрета и ответственности за его нарушение; экономия репрессии; дифференциация ответственности. Автор дает им краткую характеристику.

Ключевые слова: криминализация деяний, пенализация деяний, законотворчество, целесообразность, экономия репрессии, дифференциация ответственности.

В российской науке уголовного права вопросам принципов криминализации / декриминализации и пенализации / депенализации (далее – принципы криминализации и пенализации¹) уделяется немного внимания. Эти принципы если и являются предметом научных изысканий, то только либо как часть более общего предмета исследования, либо лишь применительно к конкретной сфере преступных посягательств [3; 4. С. 162–164; 5]. На монографическом уровне принципы криминализации и пенализации отдельно не исследовались.

Вряд ли можно поддержать оптимизм Г. А. Злобина в том, что «в большинстве случаев формулировать конкретные принципы криминализации теперь уже не приходится: многие из них описаны и сформулированы. Главная задача состоит сейчас в том, чтобы построить рациональную и достаточную систему принципов криминализации и, насколько это возможно, более развернуто определить содержание каждого принципа» [6. С. 74].

Во-первых, в уголовно-правовой литературе нет единства терминологии относи-

тельно рассматриваемых понятий. Правда, в случае с *криминализацией* ситуация достаточно ясна. Под ней понимают «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [7. С. 82]. Под *декриминализацией* понимают «процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости» [7. С. 82]. Однако некоторыми юристами к мерам декриминализации было отнесено также и освобождение лица от уголовной ответственности с привлечением его к административной ответственности, предусматривавшееся в УК РСФСР 1960 г. [8. С. 55] Подобное истолкование понятия декриминализации в юридической литературе обоснованно встретило возражение [9. С. 41]. Полагаем, что установление любого вида освобождения от уголовной ответственности относится к депенализации.

---

¹ В. Н. Кудряцев. Ряд исследований выделяет криминализацию в широком смысле, включая в данное понятие также и декриминализацию, пенализацию и депенализацию (см., напрмер: [1. С. 17]). Хотя такая позиция не нашла в литературе единодушного одобрения. Например, Н. А. Лопашенко считает вышеуказанные понятия разноплановыми [2. С. 278–279].

С точки зрения А. В. Наумова, возможна и «фактическая частичная декриминализация – без изменения “буквы” закона» [10. С. 165]. В качестве примера автор приводит норму, которая была закреплена в ст. 228 УК РСФСР (ст. 242 УК РФ). Диспозиция данной нормы не подвергалась изменению, хотя, по утверждению А. В. Наумова, вследствие изменения нравственных представлений общества, деяние, указанное в ней, впоследствии было фактически декриминализовано. По нашему мнению, ни новое толкование нормы, ни изменение общественных отношений или даже нормативных правовых актов, к которым отсылает бланкетная уголовно-правовая норма, не относятся к формам декриминализации. Последняя заключается только во внесении изменений или дополнений в УК РФ, потому что, как отмечено в ч. 1 ст. 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом РФ. Ни моральные нормы, ни нормы других отраслей права не относятся к уголовно-правовым, следовательно, и декриминализовать деяние, изменив их, невозможно.

Под *пенализацией* в юридической литературе понимается процесс определения характера наказуемости деяний (законодательная пенализация), а также процесс назначения уголовного наказания в судебной практике (практическая пенализация). *Депенализацией* считается смягчение уголовно-правовой санкции, неприменение наказания за совершение уже криминализованных деяний, а также установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания [11. С. 13–30; 12. С. 137; 13. С. 326–327].

Вряд ли можно согласиться с такой широкой трактовкой названных терминов. Так называемая практическая пенализация, равно как и практическая депенализация, не могут выделяться как виды. «Криминализация» и «пенализация» – это взаимосвязанные понятия. Без криминализации немыслима пенализация. И если «криминализация общественно опасных деяний (отнесение их к числу преступлений), равно как и обратный процесс – декриминализация (исключение деяния из этого круга), составляют исключительную прерогативу высших органов

государственной власти. Ни один орган государства, кроме обладающего законодательной властью, не вправе ни наделить определенного рода деяния уголовной противоправностью, ни лишить их этого важного признака преступления» [9. С. 41]. То же самое относится и к пенализации. Эти методы уголовно-правовой политики имеют одного и того же субъекта – законодательную власть.

По нашему мнению, нет весомых оснований смешивать законотворческий процесс (определение характера наказуемости деяний) со стадией применения закона (процесс назначения уголовного наказания в судебной практике). При допущении такого смешения было бы правомерно выделять и «практическую криминализацию» и «практическую декриминализацию», например, когда суд устанавливает в совершенном деянии наличие всех признаков состава преступления или не находит совокупность таковых. Но ведь в данном случае речь идет о квалификации общественно опасного деяния, а этот процесс уже не относится к законодательному. После выбора уголовно-правовой нормы на этапе квалификации общественно опасного деяния суд выбирает соответствующую норму о наказании. При этом он связан уже закрепленными в УК правилами, пределами и видами назначения наказания. Квалификация общественно опасных деяний и назначение наказания – это этапы применения уголовно-правовых норм. А криминализация и пенализация относятся к законодательному процессу.

На основании сказанного предлагаем далее под пенализацией понимать лишь процесс определения характера наказуемости деяний, а понятие «назначение наказания» соответственно отличать от понятия «пенализация».

Что касается депенализации, то в ее содержание не следовало бы включать такую меру, как смягчение уголовно-правовой санкции, так как она охватывается стадией назначения наказания. По тем же аргументам не видим оснований для включения в число мер депенализации и неприменение наказания за совершение уже криминализованных деяний, а также применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Следовательно, под депенализацией далее будем понимать установление в законе раз-

личных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Во-вторых, на наш взгляд, проблема принципов криминализации (пенализации) деяний просто решалась бы лишь только в том случае, если была полностью разработана общая теория правовых принципов. Эта трудность отражается и на исследовании принципов криминализации и пенализации, благодаря чему многие из объявляемых принципами положений в действительности являются не принципами, а основаниями, причинами, условиями криминализации либо другими категориями. Система принципов криминализации и пенализации, представляемая в теории уголовно-правовой политики, достаточно противоречива.

Например, А. И. Коробеев, подчеркивая важность отражения в принципах уголовно-правовой политики не только общих политических установок, но и тех положений, которые характерны именно для уголовного права как отрасли, считает наиболее существенным моментом в содержании уголовно-правовой политики комплекс вопросов, связанных с криминализацией и пенализацией общественно опасных деяний. Следовательно, можно предположить, что автор рассматривает в качестве принципов криминализации принципы экономии репрессии, целесообразности, неотвратимости ответственности, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, справедливости [12. С. 33].

Г. А. Злобин выделял две группы принципов криминализации: 1) социальные и социально-психологические; 2) системно-правовые. К первой группе ученый относил принципы общественной опасности, относительной распространенности деяния, соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации, уголовно-политической адекватности криминализации. Ко второй группе ученый отнес принципы конституционной адекватности, системно-правовой непротиворечивости криминализации (декриминализации) конкретного деяния, международно-правовой необходимости и допустимости криминализации, процессуальной осуществимости преследования, беспробельности закона и избыточности запрета, определенности и единства терминологии, полноты состава, соразмерности санкции и экономии репрессии [1. С. 215–242]. В. Н. Кудрявцев и

В. В. Лунеев выделили также принцип непротиворечия нормам нравственности [14. С. 22].

По мнению Н. А. Лопашенко, в число принципов криминализации следует включать принципы: достаточной общественной опасности криминализируемых деяний; их относительной распространенности; возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение; преобладания позитивных последствий криминализации; неизбыточности уголовно-правового запрета; своевременности криминализации [15. С. 108].

Некоторые юристы выделяют общие и специальные принципы криминализации. Например, И. В. Лозинский к общим принципам криминализации относит: а) научный подход к криминализации деяний; б) криминализацию деяний по видовому объекту преступления; в) соответствие вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части; г) соблюдение правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета; д) согласованность норм уголовного закона с положениями соответствующих регулятивных отраслей права. Исследуя нормы гл. 22 УК РФ, автор к специальным принципам отнес: а) необходимость и достаточность уголовно-правовой защиты предпринимательских отношений; б) недопустимость криминализации деяния без надлежащего правового регулирования предпринимательских отношений [3. С. 9, 21–23].

Права Н. А. Лопашенко, что многие из названных в науке положений нельзя отнести к принципам криминализации общественно опасных деяний. Так, не согласна она с выделением принципа «криминализируемое деяние должно быть общественно опасным» [14. С. 22]. По мнению Н. А. Лопашенко, это положение относится к основанию, а не к принципам криминализации, что, на наш взгляд, абсолютно справедливо. При наличии различных мнений относительно содержания оснований криминализации, согласимся с той точкой зрения, согласно которой единственным основанием для таковой является существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета [15. С. 102; 10. С. 162]. Но тогда недопустимо, на наш взгляд, выделять и «принцип достаточной общественной опасности» [1. С. 216;

15. С. 108], потому что наличие таковой охватывается основанием криминализации.

Согласимся также с Н. А. Лопашенко и в том, что нет смысла выделять принцип непротиворечивости криминализации Конституции РФ, действующему праву и международным соглашениям, но только не потому, что это и есть известный общеправовой принцип законности [15. С. 108] (законность в уголовном праве трактуется иначе), а в связи с тем, что данные установления абсолютно лишены специфики применительно к сфере криминализации и пенализации деяний. Они лишены даже и отраслевой специфики, потому что предписания любой отрасли права не должны вступать в противоречие с нормами, вышестоящими по иерархии, а также с другими нормами в целях достижения системности права. Кроме того, эти требования можно отнести к условиям криминализации (пенализации), т. е. к положениям, определяющим правильность и эффективность криминализации или пенализации. К этой группе условий можно отнести непротиворечивость нормам нравственности (В. Н. Кудрявцев, В. В. Лунев) и научный подход (И. В. Лозинский).

Принцип беспробельности закона и избыточности запрета (Г. А. Злобин, Н. А. Лопашенко), в соответствии с которым новая уголовно-правовая норма не должна создавать законодательного пробела или образовывать избыточность в системе действующего законодательства, не является принципом криминализации и пенализации. Эти требования можно отнести к принципам уголовно-правового нормотворчества, так как речь идет о соотношении норм между собой, а не о том, что и как нужно криминализировать. То же самое относится и к принципам определенности и единства терминологии, а также системно-правовой непротиворечивости криминализации (декриминализации) конкретного деяния.

К критериям, т. е. признакам, на основании которых производится оценка возможности криминализации и пенализации, но не к принципам криминализации и пенализации, следует отнести относительную пространственность деяния и процессуальную осуществимость преследования (Г. А. Злобин, Н. А. Лопашенко).

Нельзя, по нашему мнению, отнести к принципам криминализации деяний общие

принципы уголовного права: экономии репрессии, целесообразности, неотвратимости ответственности и т. д. (А. И. Коробеев). К специальным (динамическим) уголовно-правовым принципам можно отнести только те положения, которые имеют определенную долю специфики, преломляясь под определенным направлением уголовно-правовой политики.

В-третьих, на данный момент в юридической науке четко не обозначено, какие принципы относятся к криминализации, а какие к пенализации. Возможно, это связано с тем, что некоторые принципы, например экономии репрессии, можно отнести как к той, так и к другой группе. С другой стороны, некоторые положения, называемые в юридической литературе, относятся только лишь к процессу пенализации. Так, М. М. Имамов, исследуя принципы формирования системы наказаний, перечисляет идеи, которые по своей сути относятся именно к пенализации: целесообразность системы наказаний и каждого отдельного вида наказания; их определенность; делимость видов наказаний; заменяемость и возможность пересчета одного вида наказания в другой; соответствие системы наказаний социально-экономическим и политическим условиям жизни общества; соответствие системы наказаний уровню общественного сознания и культуры; построение системы с учетом имеющихся в той или иной стране традиций; обусловленность системы наказаний содержанием метода уголовно-правового регулирования [16. С. 17]. Полагаем, что правомерно выделять как принципы, относящиеся к криминализационным либо пенализационным процессам, так и принципы, относящиеся и к тому и к другому одновременно.

На наш взгляд, из общих уголовно-правовых принципов вытекают следующие принципы криминализации и пенализации: *целесообразность уголовно-правового запрета и ответственности за его нарушение* (далее – принцип целесообразности); *экономия репрессии*; *дифференциация ответственности*.

Принцип целесообразности как криминализационный и пенализационный принцип реализует общий принцип целесообразности применения мер уголовно-правового воздействия. Данный принцип распространяется как на сферу законодательной деятельно-

сти по закреплению преступности деяния, так и на законодательную регламентацию мер уголовно-правового воздействия.

В чем проявляется целесообразность в нормотворческой деятельности? По мнению М. В. Бавсуна, «деятельность законодателя является целесообразной лишь в том случае, если она отвечает не только условиям, сложившимся на данный момент, но и общему направлению развития общества, основывающаяся на знании объективных законов и потребностей» [17. С. 14]. Автор стоит на позиции объективности целей криминализации и исключает субъективный фактор: «Целесообразность при этом должна вытекать из объективных потребностей общества, она должна диктоваться условиями его существования, а не простым желанием определенной группы людей... Только в таком случае возможно достижение положительного результата в сфере борьбы с преступностью, достаточно высокой ее эффективности и действительной правомерности» [18. С. 77–78].

Полагаем, что содержание уголовно-правового принципа должно выводиться не из желаемого результата, а из качественных особенностей той деятельности, которую осуществляет субъект, а также из результата этой деятельности. На данный момент законодатель соотносит необходимость применения мер криминализации с целями уголовно-правовой политики, а не с объективными потребностями общества. В связи с этим считаем, что целесообразность как принцип криминализации деяний заключается в формулировании уголовно-правовых запретов и отказе от них лишь в том случае, если это способствует достижению целей уголовно-правовой политики.

По-видимому, эту идею имел в виду Г. А. Злобин, говоря о принципе уголовно-политической адекватности криминализации, выражая ее следующим образом: «Содержание каждого текущего изменения в законодательстве об уголовной ответственности, преследующего определенные практические цели, должно в большей или меньшей степени выражать общие направления принятой и закреплённой в партийных документах и основах законодательства советской уголовной политики» [1. С. 224].

П. С. Дагель считал, что в соответствии с принципом целесообразности все меры уголовно-правового воздействия должны быть

установлены в законе, применены и исполнены таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечить достижение тех целей, которые перед ними ставятся [19. С. 37; 20. С. 71]. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Поэтому в систему наказаний должны быть включены именно такие меры, которые способствуют достижению вышеперечисленных целей. Следовательно, в числе наказаний не должно быть наказаний, служащих лишь цели кары за содеянное.

Принцип целесообразности наказания важно учитывать также и при построении санкций норм Особенной части. В них должны быть указаны только такие виды наказаний, которые служат исправительным, восстановительным и предупредительным целям. Еще Кант утверждал, что «категорический императив» требует наказывать убийство смертной казнью, изнасилование – кастрацией, оскорбление – публичным целованием обидчиком руки потерпевшего и т. д. Таким образом, в статье Особенной части должны быть перечислены такие виды наказаний, которые учитывают специфику совершенного преступления и, следовательно, могут способствовать достижению целей наказания. Например, очевидно, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью целесообразно для преступлений, связанных с использованием виновным своей должности (неоказание помощи больному, получение взятки, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей и т. д.) и нецелесообразно для тех преступлений, где должность не имеет значения (простые составы причинения вреда здоровью, побои, кража, грабеж, хулиганство и т. д.).

Принцип экономии репрессии – принцип криминализации и пенализации, являющийся элементом принципа экономии мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее уголовно-правовой поступок.

Как принцип криминализации экономия репрессии предполагает установление уголовно-правового запрета только в том случае, когда невозможно эффективно регулировать соответствующие общественные

отношения нормами других отраслей права. Если средствами других отраслей права, например административного, можно достичь необходимого результата, то криминализация бесполезна, а возможно, даже вредна, поскольку может отвлекать силы от борьбы с действительно общественно опасными деяниями. Прав В. В. Мальцев: «...В процессе исполнения уголовного закона государство несет ощутимые материальные потери как по причине исключения большого числа своих граждан из системы высокопроизводительного общественного труда, так и в результате непроизводительного расходования средств, отпускаемых на содержание... осужденных. Поэтому естественно, что законодатель не может не учитывать этих материальных затрат, особенно при криминализации незначительных по тяжести проступков» [21. С. 31].

Распространяясь на сферу пенализации, он требует установления такого наказания за криминализованное деяние, которое является достаточным для выполнения задач общей и частной превенции. Излишняя строгость, заключающаяся в несоответствии меры уголовно-правового воздействия, предусмотренной в УК, характеру и степени общественной опасности деяния, противоречит принципу соразмерности и ведет к излишней расточительности уголовно-правовой репрессии.

В этой связи вряд ли соответствует рассматриваемому принципу усиление санкций, произведенное в ст. 264 УК (в ред. ФЗ от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ) [22]. Самое строгое наказание за совершение преступления, предусмотренного данной статьей, составляет девять лет лишения свободы с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет (ч. 6), что не соответствует оценке неосторожных преступлений законодателем. Так, согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК основным видом исправительных учреждений, назначаемых лицам, совершившим неосторожные преступления, является колония-поселение, что явно не согласуется со сроком отбывания наказания в девять лет, который характерен лишь для тяжких и особо тяжких умышленных преступлений. В данном случае вряд ли стоит переоценивать возможности уголовного наказания. Гораздо эффективнее, по нашему мнению, было бы принятие мер по предупреждению нахождения за рулем в состоя-

нии опьянения лиц, управляющих транспортным средством.

С другой стороны, экономия при пенализации не должна быть чрезмерной. Э. В. Розенберг по этому поводу писал: «Если оказалось бы, например, что отмена смертной казни за убийство, спасая ежегодно жизнь 100 убийцам, в результате дало бы удвоение числа убийств в год (вместо 10–200 случаев), то очевидно, такое облегчение участи 100 преступников было бы неэкономно, так как ценою жизни 100 преступников можно спасти жизнь 100 потерпевшим и, кроме того, спасти от наказания 100 преступников, удерживаемых угрозой смертной казни от совершения убийства» [23. С. 128].

Из принципа соразмерности деяния и его уголовно-правовых последствий (принцип справедливости) вытекает *принцип дифференциации наказания*. При пенализации он предполагает требование для законодателя об установлении различных по характеру и интенсивности наказаний за различные по характеру и степени общественной опасности деяния.

Говоря о принципе соразмерности санкции, по сути, имея в виду идею дифференциации наказания, Г. А. Злобин правильно, на наш взгляд, увязывал его с принципом справедливости (соразмерности деяния и его уголовно-правовых последствий) [1. С. 240]. Согласимся также и в том, что соразмерность санкции достигается за счет установления более сурового наказания: за посягательства на более ценный объект; за умышленное преступление по сравнению с неосторожным; за деяние, причинившее более крупный ущерб, по сравнению с деянием, повлекшим менее опасные последствия; за деяния, совершенные в соучастии, по сравнению с преступлением, совершенным в одиночку; за деяние совершеннолетнего по сравнению с преступлением лица, не достигшего 18 лет; за оконченное преступление по сравнению с покушением; за рецидив и повторность по сравнению с впервые совершенным преступлением; за деяния, совершенные при наличии иных отягчающих обстоятельств, предусмотренных законом, по сравнению с деяниями, учиненными при отсутствии таких обстоятельств [1. С. 240–241].

По нашему убеждению, нельзя признать обоснованным новый поход законодателя к дифференциации наказаний за должностные

преступления и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, обнаружившийся в связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ [24]. Так оказалось, что наказание в виде лишения свободы за получение взятки без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 290 УК) осталось сроком в 5 лет, в то время как тот же вид наказания за схожее преступление – коммерческий подкуп (ч. 3 ст. 204 УК) возросло с 3 до 7 лет (т. е. более чем в два раза, и на два года больше, чем за получение взятки).

Что же произошло в обществе к 2008 г., если преступление, совершенное должностным лицом, судя по приведенным санкциям, ранее было гораздо более опасным преступлением, нежели преступление, совершенное лицом, занимающим должность в коммерческих и иных, названных в примечании 1 к ст. 201 УК организациях, а теперь стало намного менее опасным? В аннотации к указанному закону каких-либо объяснений по поводу переоценки ценностей объектов не содержится, а отмечено, что данная мера является антикоррупционной. Очевидно, что для законодателя интересы службы в коммерческих и иных организациях стали более ценным объектом уголовно-правовой охраны, чем государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Список литературы

1. Злобин Г. А. Основания и принципы криминализации общественно опасных деяний // Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.
3. Лозинский И. В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 27 с.
4. Чернокозинская С. В. Основание и принципы криминализации приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008.
5. Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007. 160 с.
6. Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1.
7. Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1: Преступление. 495 с.
8. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1977. № 9.
9. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве: Учеб. пособие. М., 1979. 130 с.
10. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. М., 2004. Т. 1: Общая часть. 454 с.
11. Антонов И. М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: Дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004. 223 с.
12. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1987. 268 с.
13. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Декриминализация (социально-правовой аспект) // Lex russica. 2005. № 2.
14. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2001. 454 с.
15. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
16. Имамов М. М. Виды наказаний и принципы формирования их системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 22 с.
17. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с.
18. Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1982. 124 с.
19. Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск: СЮИ, 1977.
20. Мальцев В. В. Криминализация поведения и общественно опасные последствия // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сб. науч. тр. Омск, 1980.

21. *Федеральный закон* от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 7. Ст. 788.

22. *Розенберг Э. В.* Экономия страданий. Петроград: Тип. Петрогр. т-ва и изд. дела «Труд», 1916. 168 с.

23. *Федеральный закон* от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

ской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» // *Собрание законодательства РФ*. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6235.

Материал поступил в редколлегию 13.04.2011

T. R. Sabitov

THE PRINCIPLES OF CRIMINALIZATION AND PENALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS

The article considers the principles of criminalization (decriminalization) and penalization (depenalization) of socially dangerous acts. In the author's opinion, the following principles of criminalization and penalization result from the criminal legal principles: expediency of a criminal legal interdiction and responsibility for its infringement; economy of reprisal; differentiation of responsibility. The author gives the short characteristics of them.

Keywords: criminalization of acts, penalization of acts, lawmaking, expediency, economy of reprisal, differentiation of responsibility.